

1799–1837

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Н. В. Гоголь

классика
ИВ
кармане

классика в кармане

А.С. ПУШКИН

классика
в кармане

Пиковая дама

Арап Петра Великого • Повести Белкина • Дубровский

А.С. ПУШКИН

классика
в кармане

«У Пушкина все нагружено мыслью, но кажется при этом простым, гармоничным <...> Пушкин ни в чем не устарел до сего дня, он читается, может, и с новым, но никак не меньшим восторгом: он — живой».

А. Г. Битов

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Пиковая дама. Повести

А.С. ПУШКИН

Пиковая дама

Арап Петра Великого • Повести Белкина • Дубровский

*классика
в кармане*

А.С. ПУШКИН

Пиковая дама

Арап Петра Великого ♦ Повести Белкина ♦ Дубровский

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
П91

Проект Д.Е. Веселова

Предисловие *Н.О. Лернера*
Комментарии *В.Д. Рака*

Печатается по изданиям:

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. АН СССР.
Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен Б.В. Томашевским. – 4-е изд. –
Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977 – 1979. Т. 6. Художественная проза. 1978;
Пушкин А.С. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4.:
Романы и повести

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Фредерика Пеграма (1870–1937)
«Молодая пара и цветочница на улице»

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

ПУШКИН Александр Сергеевич
Пиковая дама. Арап Петра Великого.
Повести Белкина. Дубровский

Дизайнеры обложки *Т.Н. Коровина, Я.В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Т.Ю. Удачина*

Подписано в печать 10.04.2012. Формат 76×100/32.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И.С. Веселова, составление, 2012
© В.Д. Рак, комментарии, 2012
© Hemiro Ltd, 2012
© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-467-5 (БММ)
ISBN 978-966-14-3840-7 (КСД)

*Проза Пушкина*¹

Первые прозаические попытки Пушкина остались незаконченными. Самая ранняя сохранилась в черновой тетради, начатой еще в лицее. Эта попытка написать рассказ, по-видимому, из жизни той светской золотой молодежи, среди которой очутился поэт по выходе из лицея, не пошла дальше первой страницы. Она начинается словами: «У гусара ** было дружское собрание»... и чрезвычайно напоминает своим тоном и отчасти даже содержанием начало написанной пятнадцать лет спустя «Пиковой дамы». В ней, вероятно, должны были фигурировать тогдашние друзья Пушкина, веселые собутыльники, собиравшиеся вокруг Зеленой Лампы, «красотки молодые, которых позднее порой уносят дрожки удалые по петербургской мостовой», игроки и тому подобные представители круга прожигателей жизни, к которому Пушкин всегда питал маленькую слабость. В этой среде встречались интересные и своеобразные характеры, но для бытовой повести Пушкин был тогда еще слишком молод. Нужно было сначала значительно отдалиться и от данной среды, и от эпохи, и самому больше развиться и приобрести больше опыта. Людей этого типа мы еще встретим в задуманном Пушкиным «Русском Пеламе».

За перо прозаика Пушкин взялся снова лишь через восемь лет (1827 г.). На этот раз его увлекла мысль написать исторический роман. Еще в третьей главе «Онегина» он обещал написать роман и при этом довольно определенно указал на его историческое содержание:

¹ Печатается по: Лернер Н. О. Проза Пушкина. 2-е изд. Пг. — М., 1923. Печатается в сокращении.

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.
Перескажу простые речи
Отца иль дяди старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...

В собственном семействе поэт нашел предания, которыми всегда гордился и дорожил; их историческая, бытовая и романическая сторона очень занимала его, и он любил «толки слушать о родне, об отдаленной старине» и признавался в своей «безвредной слабости»:

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина...

Свою автобиографию, от которой сохранилось лишь несколько страниц, он начал рассказом о своих предках — Пушкиных и Ганнибалах. Особенно привлекал воображение поэта его прадед — арап царя Петра I, крестник этого государя; Пушкина пленяла и оригинальная личность царского арапа, и своеобразие его судьбы, забросившей арапа из тропической Африки в далекую Россию. Пушкин любил называть Африку «своей», а себя — африканцем; происхождение от арапа оставило свои следы на наружности поэта. Семейные

воспоминания об арапе Абраме Петровиче как-то лично связывали Пушкина с любимой им эпохой Петра, на изучение которой натолкнул его прежде всего интерес к оригинальному прадеду. Задумав исторический роман, поэт остановился на петровской эпохе и героем избрал арапа Ганнибала. «Бог даст, — говорил он друзьям, — мы напишем исторический роман, на который и другие полюбуются»¹. Исполнение этого обещания нужно видеть в «Капитанской дочке», а не в «Арапе Петра Великого», которого он вдруг оставил и больше к нему не возвращался. Пушкин написал только шесть глав и начало седьмой, а вещь была задумана, по-видимому, крупная, так что мы имеем лишь начало повести, из которого даже трудно вывести более или менее цельную фабулу. Одному приятелю Пушкин говорил, что «главная завязка этого романа — неверность жены арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь»². По всей вероятности, к роману должна была относиться сложенная Пушкиным песенка³, которую, может быть, поэт намеревался вложить в уста девушек-наперсниц боярышни, выдаваемой по царскому приказу за ненавистного арапа. В повести намечен был, по-видимому, и разрушитель семейного спокойствия арапа, однако, не выведенный еще на сцену и лишь упоминаемый два-три раза. Не имея цельного, законченного произведения, мы должны довольствоваться частностями, которые сами по себе великолепны. Мастерски изображены в повести французское общество эпохи Регентства и русское общество времен Петра, разделившееся на два лагеря — «новых людей», сторонников преобразователя, и при-

¹ Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. С прил. рис.: модели памятника, места погребения и снимков с почерков и рис. поэта. 1873. С. 191.

² Майков Л. Н. Пушкин. Биограф. материалы и историко-литературные очерки. 1899. С. 177.

³ «Черный ворон выбирал белую лебедушку».

верженцев отживающего быта, втайне копящих глубокое недовольство реформами. Великолепны картины петровского быта — обед у знатного боярина, ассамблея. Действует в повести и гениальный царь, которого Пушкин и после изображал не раз с тем же поклонением и тою же любовью. Белинский, вообще отнесшийся к пушкинской прозе довольно холодно и далеко не с тем проникновенным пониманием, которое обнаружил в разборе поэзии Пушкина, в своем знаменитом обзоре пушкинского творчества недаром жалел, что «Арап Петра Великого» был заброшен автором. «Будь этот роман, — справедливо говорит великий критик, — кончен так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный исторический русский роман, изображающий нравы величайшей эпохи русской истории. Не понимаем, почему Пушкин не продолжал романа. Он имел время кончить его. Эти семь глав неоконченного романа, из которых одна¹ упредила все исторические романы Загоскина и Лажечникова, неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их вместе взятых». Почти одновременно с «Арапом Петра Великого» Пушкин набросал программу драмы или повести из почти той же эпохи, из времен правительницы Софьи, где, вероятно, на фоне великих исторических событий должна была разыгрываться история двух влюбленных²; программа так и осталась в области предположений и не была осуществлена.

Спустя три года Пушкин появляется в облике добродушного рассказчика, смиренного Белкина (1830 г.),

¹ IV. Глава из исторического романа // Северные цветы на 1829 год. СПб., С. 182.

² Русская Старина. 1884 г. Апрель. С. 106; Русская Старина. 1884 г. Ноябрь. С. 337–338. К мысли о повести из той же эпохи Пушкин возвращался и в середине 30-х годов; известен план такой работы («Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Повременное изд. Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Рос. акад. наук». Вып. IV. С. 24).

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Железной волею Петра
Преображенная Россия.

Н. Языков

ГЛАВА I

Я в Париже;
Я начал жить, а не дышать.
Дмитриев.
Журнал путешественника

В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненый, возвратился в Париж. Император посреди обширных своих трудов не престаивал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предлогами, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.

По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Послед-

ние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law¹; алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей.

Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, все, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностию. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение. Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени.

Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence².

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее вни-

¹ Лоу.

² Счастливое время, отмеченное вольностью нравов,
Когда безумие, звеня своей погремушкой,
Легкими стопами обегает всю Францию,
Когда ни один из смертных не изволит быть богомольным.
Когда готовы на все, кроме покаяния (*франц.*).

мание. Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar¹ и ловили его наперехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Аруэта и старостию Шолье, разговорами Монтескье и Фонтенеля; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Другие сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил.

Графиня D., уже не в первом цвете лет, славилась еще своею красотою. 17-ти лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился. Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть ее в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключенье. Дом ее был самый модный. У ней соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания: это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ни-

¹ царского негра (франц.).

*Графиня приняла Ибрагима учтиво,
но безо всякого особенного внимания: это польстило ему.*

чего общего. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть обращению его с женщинами. Разговор его был прост и важен; он понравился графине Д., которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудренных париков ее гостиной. (Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку.) Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала. Ее глаза выражали такое милое добродушие, ее обхождение с ним было так просто, так непринужденно, что невозможно было в ней подозревать и тени кокетства или насмешливости.

Любовь не приходила ему на ум, — а уже видеть графиню каждый день было для него необходимо. Он повсюду искал ее встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостию неба. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следовала за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность... Мервиль первый заметил эту взаимную склонность и поздравил Ибрагима. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору. Слова Мервиля пробудили Ибрагима.

Возможность обладать любимой женщиной доселе не представлялась его воображению; надежда вдруг озарила его душу; он влюбился без памяти. Напрасно графиня, испуганная исступлению его страсти, хотела противопоставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она сама ослабевала. Неосторожные вознаграждения быстро следовали одно за другим. И наконец, увлеченная силою страсти, ею же внушенной, изнемогая под ее влиянием, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается от взоров наблюдательного света. Новая связь графини стала скоро всем известна. Некоторые дамы изумлялись ее выбору, многим казался он очень естественным. Одни смеялись, другие видели с ее стороны непростительную неосторожность. В первом упоении страсти Ибрагим и графиня ничего не замечали, но вскоре двусмысленные шуточки мужчин и колкие замечания женщин стали до них доходить. Важное и холодное обращение Ибрагима доселе ограждало его от подобных нападений; он выносил их нетерпеливо и не знал, чем отразить. Графиня, привыкшая к уважению света, не могла хладнокровно видеть себя предметом сплетней и насмешек. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтоб напрасным шумом не погубить ее совершенно.

Новое обстоятельство еще более запутало ее положение. Обнаружилось следствие неосторожной любви. Утешения, советы, предложения — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видела неминуемую гибель и с отчаянием ожидала ее.

Как скоро положение графини стало известно, толки начались с новою силою. Чувствительные дамы ахали от ужаса; мужчины бились об заклад, кого родит графиня: белого ли или черного ребенка. Эпиграммы сыпались насчет ее мужа, который один во всем Париже ничего не знал и ничего не подозревал.

Роковая минута приближалась. Состояние графини было ужасно. Ибрагим каждый день был у нее. Он

видел, как силы душевные и телесные постепенно в ней исчезали. Ее слезы, ее ужас возобновлялись по минутно. Наконец она почувствовала первые муки. Меры были приняты наскоро. Графа нашли способ удалить. Доктор приехал. Дня два перед сим уговорили одну бедную женщину уступить в чужие руки новорожденного своего младенца; за ним послали поверенного. Ибрагим находился в кабинете близ самой спальни, где лежала несчастная графиня. Не смея дышать, он слышал ее глухие стенанья, шепот служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стон ее раздирает его душу; каждый промежуток молчания обливает его ужасом... вдруг он услышал слабый крик ребенка и, не имея силы удержать своего восторга, бросился в комнату графини. Черный младенец лежал на постеле в ее ногах. Ибрагим к нему приблизился. Сердце его билось сильно. Он благословил сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но доктор, опасаясь для больной слишком сильных потрясений, оттащил Ибрагима от ее постели. Новорожденного положили в крытую корзину и вынесли из дому по потаенной лестнице. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель в спальне роженицы. Ибрагим уехал немного успокоенный. Ждали графа. Он возвратился поздно, узнал о счастливом разрешении супруги и был очень доволен. Таким образом публика, ожидавшая соблазнительного шума, обманулась в своей надежде и была принуждена утешаться единым злословием.

Все вошло в обыкновенный порядок, но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться и что связь его рано или поздно могла дойти до сведения графа D. В таком случае, что бы ни произошло, гибель графини была неизбежна. Он любил страстно и так же был любим; но графиня была своенравна и легкомысленна. Она любила не в первый раз. Отвращение, ненависть могли заменить в ее сердце чувства самые нежные. Ибрагим предвидел уже минуту ее

Содержание

<i>Н. О. Лернер. Проза Пушкина</i>	3
Арап Петра Великого	27
Повести покойного Ивана Петровича Белкина	66
От издателя	66
Выстрел	70
Метель	84
Гробовщик	99
Станционный смотритель	107
Барышня-крестьянка	121
Дубровский	144
Том первый	144
Том второй	181
Пиковая дама	225
<i>Комментарии</i>	257
<i>Словарь устарелых и редко употребляемых слов</i>	315